

Охрана природы

В соответствии с постановлением Совета Министров РСФСР от 25/IX—46 года № 642 «Об охране природы на территории РСФСР» исполком Мособлсовета 14/XI—47 года утвердил оргбюро Московского отделения Всероссийского общества охраны природы. И как только это постановление вместе с составом оргбюро было опубликовано в «Вечерней Москве», ко мне, как к председателю оргбюро, начали поступать приветственные письма, похожие на те, которые посылаются при получении ордена. Меня поразило в этих письмах какое-то празднично утверждённое отношение к природе с повторением слов «культурное отношение», и я стал раздумывать, откуда это взялось.

На самом деле наша природа наполнена борьбой за существование, борьбой с агентами смерти, с бактериями, микробами, всякого рода вирусами, с врагами крылатыми, четвероногими, двуногими; наша природа наполнена врагами, а люди от слов «охрана природы» приходят в восторг. Очевидно, эта природа, исполненная вражды к человеку, и природа, которую мы хотим охранять, — понятия разные, противоположные. И когда Совет Министров стал говорить об охране природы, само собой все понимали, что эта природа есть дорогой материал советского хозяйства, некое геологическое данное, кладовая океана, земли и солнца.

Мне лично дороги и близки в этой великой кладовой наши леса. Вспоминая теперь свои путешествия, я замечаю единство процесса смены покрова нашей земли. Вот хотя бы Тигровая сопка во Владивостоке. Лет пятнадцать тому назад я был на этой сопке, уже совершенно оголённой, и старожил рассказывал мне, он помнит на этой сопке тайгу. С тех пор, как я был там, прошло ещё лет пятнадцать, и очень возможно, что люди начали вновь сажать на этой сопке деревья.

А вот тоже на Кавказе, по пути от Нальчика к подножью Эльбруса: горы уже почти обезлесены, пепельные и пылят. А снизу надвигаются на голые горы великолепные сады с большими пасаками. Такой точно процесс, говорят, вполне закончился в Японии: леса сменились садами и парками; так тоже было и в Англии, так теперь происходит в Китае, везде. Прошли времена, когда люди плакали о смене дикой природы культурными садами и парками; мы теперь о другом плачем: мы плачем о некультурном отношении самого человека к богатствам кладовой океана, земли и солнца.

Из бесчисленных примеров, оставляющих в душе культурного человека раны, я беру самый маленький.

Вблизи Переславля-Залесского, за озером Плещеевым лежат большие сфагновые болота, и в ту сторону к ним из озера течёт речка Вёкса, с жидкими берегами, покрытыми жёлтыми цветами и чёрной ольхой. Только в одном месте берега Круча высоко поднимается, и на этой довольно широкой площади ещё недавно стоял вековой чудесный сосновый бор. Пришло время начать разработку торфа на сфагновых болотах, прилегающих к чудесной борине. Мы это и приветствуем, нам это надо, мы хотим поберечь наши леса и топить наши фабрики торфом. Но нельзя было начать дело с того, чтобы, ни с кем не считаясь, срубить вековые сосны и рабочий посёлок предоставить непосредственному воздействию солнца, ветра, песка, малярийных комаров.

Когда смотришь теперь на жалкие бараки в бегучих песках, на бедных ребят, обжигаемых солнцем, и представляешь себе эти самые домики, этот самый Дом культуры или клуб, этих самых ребят среди великолепного прежнего бора, то начинаешь нехорошо думать: кажется, будто это недобрые силы природы, с которыми человек борется день и ночь за своё существование, одолели его, пошли внутрь, подменили его человеческие силы и действуют согласно со всем гнусом природы против всех лучших его достижений.

Так вот понемногу и раскрывается эта природа, которую мы должны охранять: это не та природа, с которой мы боремся с утра до ночи за своё человеческое существование, а природа — великий помощник и друг в борьбе за достоинство человека, как царя природы, это природа — кладовая океана, земли и солнца.

В советское время слово «культурный» стало употребляться нашими народами в смысле слова «священный». И в письмах, которые я получил после постановления Совета Министров о необходимости охраны природы, это слово везде повторяется. Так вот откуда взялся радостный тон этих писем и праздник: люди, хорошо сохраняющие в душе своей радость природы, торжествуют, что Совет Министров взялся бороться с нашей некультурностью в отношении природы.

Михаил Пришвин.
Москва, 31 мая 1947 года.